
РУССКАЯ ИДЕЯ

А. А. ГОРЕЛОВ

РУССКАЯ ИДЕЯ НА ПУТИ К ДУХОВНО-СОЦИАЛЬНОМУ ЕДИНСТВУ

«Беспольный в глазах некоторых, слишком смелый, по мнению других, этот вопрос в действительности является самым важным из всех для русского, да и вне России он не может показаться лишенным интереса для всякого серьезно мыслящего человека. Я имею в виду вопрос *о смысле существования России* во всемирной истории», – писал В. С. Соловьев в «Русской идее»¹. Страна способна играть великую роль в мире до тех пор, пока большинство ее населения или по крайней мере деятельные люди вдохновлены великой идеей, преобразующей мир. Эта идея может воплощаться в жизнь или нет, быть близка или далека от реальности, истинна или ложна, но она должна быть, так как этого требует разумная природа человека. Это относится ко всем великим нациям, но в особенности к тем, для которых материальное преуспевание никогда не было главной целью, а вечные духовные вопросы томили и мучили всегда. К таким нациям относится и русская.

1. Русская идея как социальный глобальный проект

Первым вариантом русской идеи является **православный глобальный проект**. В историческом плане впервые о русской идее можно говорить в связи с созданием монахом Филофеем в первой половине XVI в. концепции Москвы как Третьего Рима. Она идеологически помогла становлению великого государства Российского, но суть ее была бы неправильно понята, если бы свелась только к созданию русской империи. Последнее было средством, целью

¹ Соловьев, В. С. Русская идея / В. С. Соловьев // Соч.: в 2 т. – М.: Правда, 1989. – Т. 2. – С. 219.

же – сообщение всему человечеству света православного христианства в его русском понимании. «Восстановить на земле этот верный образ божественной Троицы – вот в чем русская идея»².

С социальной точки зрения христианство характеризовалось на момент своего становления как религия рабов, изгнанников, отверженных, гонимых, угнетенных. С победой христианства этот момент отступил на второй план. Принятие христианства на Руси рассматривалось как «завершающий акт в создании идеологической надстройки феодального общества у славян»³. Но это еще не объясняет, почему в качестве идеологии из нескольких соперничающих религий было выбрано именно православие. Слов князя Владимира «Руси есть веселие пити» и великолепия византийской службы для этого далеко не достаточно. Православие было выбрано потому, что отвечало фундаментальным особенностям русского национального характера, и прежде всего потому, что давало надежду на обретение благодати, столь ценимой на Руси. Жертвенность подвига Христа и вселенский характер христианства тоже имели здесь немалое значение.

Не следует думать, что православие как нельзя лучше подошло особенностям русского характера. Оно просто было ближе, чем другие религии, и понималось и принималось именно в том смысле, в каком писал Иларион, так как это понимание соответствовало русской душе. По мнению Г. П. Федотова, славянофильский идеал – при всем своем сознательном христианстве – весьма сильно пропитан языческими переживаниями славянской психеи. Наше православие не византийское, а русское христианство, компромисс между славянским язычеством и византийским православием⁴.

Нечеловеческих сил стоило православным подвижникам и русским первопроходцам духовное и материальное освоение огромного пространства. Но они оказались способными это осуществить, а затем государство использовало их труды и включало новые православленные земли в свой состав. Лучшие здания на Руси – церкви, и не для себя строились они, а для Бога. И нес в церковь верующий последнюю копеечку. Русское православие оказалось спо-

² Соловьев, В. С. Указ. соч. – С. 246.

³ Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1988. – С. 5.

⁴ Панарин, А. С. Народ без элиты. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. – С. 391.

собным объединить население России, и именно оно дало возможность преодолеть страшное Смутное время начала XVII в. К. Минин и Д. Пожарский боролись не только за освобождение Родины, но и за спасение от иноверцев-латинян.

Идея Третьего Рима выражала вселенский характер русского православия. В 1453 г. пал Константинополь и «померкло солнце благочестия». Вскоре Русь свергла монгольское иго, и центр православия переместился в Москву, что зафиксировано в концепции Москвы как Третьего Рима. Это религиозная, а не политическая концепция, но из нее были сделаны в том числе и политические выводы.

Генезис идеи Москвы как Третьего Рима восходит к библейским пророчествам. Пророк Даниил провозгласил, что во дни четвертых царств «Бог Небесный воздвигнет царство, которое во веки не разрушится, оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно» (Даниил 11, 44). Для византийских писателей это было царство Римское. Но Константинополь пал, и «в русском церковном сознании навязчиво стала выдвигаться мысль, что отныне “богоизбранным” царством является именно русское царство»⁵.

Тогда же возникла легенда о Белом клобуке, в которой говорится об избрании свыше русской церкви для хранения истины Христовой. На это наложилось эсхатологическое ожидание конца света в 1492 г. Стоять до конца мира и суждено русскому государству как сохранившему христианскую веру во всей ее чистоте.

Как раз кстати оказалось зародившееся в XVI в. представление о святой Руси. В концепции Москвы – Третьего Рима имеет место отождествление русской реальности со святой Русью. Основанием для этого служит то, что Москва после падения Константинополя осталась единственным в мире большим православным государством. «Церковь Древнего Рима пала из-за своей ереси; врата Второго Рима – Константинополя – были изрублены топорами неверных турок; но церковь Московии – Нового Рима – блистает ярче, чем Солнце во всей Вселенной... Два Рима пали, но Третий стоит крепко, а четвертому не бывать» (из послания псковского монаха Филофея Василию III).

⁵ Зеньковский, В. В. История русской философии: в 2 т. – Т. 1. – Ч. 1. – Л.: Эго, 1991. – С. 46.

Идеологическая борьба Византии с варварами, захватившими Рим, сменилась борьбой Европы с Россией. Это, по словам А. Тойнби, спор за первородство. Тойнби выводит данное противостояние «издалека». Греки, оккупированные Римом, отомстили ему, сначала покорив его духовно, а затем создав основу для построения Восточной Римской империи, которая противопоставила себя разгромленному варварами первому Риму. В основе противоборства лежит желание быть «избранным» народом вместо Израиля, который тоже не отказался от своих претензий. Иудаизм, католичество, православие, ислам борются между собой за близость к Богу. Каждая из мировых религий претендует на глобальность, даже каждая зарождающаяся религиозная секта мечтает об этом. В результате усиливается религиозная борьба и развивается экуменическое движение.

Идеологема Москвы как Третьего Рима определила маршруты русского православного подвижничества, а также путь русского государства. То, что «четвертому Риму не бывать», означает веру в достижение полноты истины, хранимой в Московском государстве.

Отметим три основные черты концепции Филофея, который, кстати сказать, не первый ее сформулировал – первенство здесь не за Россией: **несокрушимая вера** в истинность христианской религии именно в ее православном варианте, **стремление сообщить** свет этой веры всему миру, наконец, **мессианское убеждение**, что России это удастся. Вера в глобальную миссию России способствовала созданию великого Русского государства.

Первая трещина в русском православии связана с церковным расколом XVII в., а ощутимый удар ему нанес Петр I – не столько ориентацией своей политики на Запад, сколько тем унижением, которому подверглось национальное в угоду западному. Раскол, ослабивший духовную мощь церкви, помог Петру. Проникновение западного просвещения ослабляло русское православие, и в начале XIX в. произошел светский раскол общества на западников и славянофилов.

Звонком, возвестившим о раздвоении интеллигентского сознания, послужило философическое письмо П. Я. Чаадаева. С этого момента через весь XIX в. проходит истощающая духовные силы русского общества борьба, аналог которой мы вряд ли отыщем

в мировой истории, потому что в этой борьбе отразилась та же специфика русской души – вера в особое предназначение России и стремление обеспечить счастье для всех (то, что Достоевский назвал «всемирной отзывчивостью»), пусть даже в ущерб своей нации и крайним напряжением сил.

Н. А. Бердяев считал XIX в. наиболее характеризующим русскую идею и русское призвание. Это идет от признания им двойственности и поляризованности в качестве основных черт русского народа. Рассматривая преимущественно XIX в., Бердяев в отличие от Соловьева, который ограничил русскую идею одним качеством, включил в нее слишком много, в том числе то, что было результатом расщепления русской идеи, когда она стала расплываться и терять очертания. Говоря о русских исканиях на социальную тему, Бердяев приходит к выводу, что в России вынашивалась идея братства людей и народов. Это русская идея, но поскольку она утверждалась в отрыве от христианства, которое было ее истоком, в нее входил яд. Таким образом, Бердяев существенно расширяет понятие русской идеи. Есть у него и такая характеристика: «русская идея есть эсхатологическая идея Царства Божьего».

2. Коммунистическая модификация русской идеи

Поляризация общественного сознания и общественных сил продолжалась до конца XIX в. Нарождавшийся капитализм создавал экономическую основу для крушения русской идеи. Она, однако, оказалась настолько живучей, что смогла победить вопреки историческому материализму Маркса и Энгельса экономический базис общества ценой модификации в мессианский большевизм.

Размышляя над исходом противостояния западников и славянофилов, нельзя не отдать должное третьей силе, которая на время смела их с исторической арены, – русскому коммунизму. Одна из причин, почему это удалось, заключается в том, что большевики соединили в теории демократическую идею всеобщей свободы со славянофильской идеей предназначенности России дать миру истину и счастье. Ни то ни другое большевики осуществить не смогли, но они сами вдохновились этой идеей и вдохновили других. В. С. Соловьев писал, что русская идея не может быть ничем иным, как некоторым определенным аспектом идеи христианской. Теперь

мы знаем, что русская идея может быть атеистической идеей построения рая на земле без Бога. Основа русской идеи не в конкретном конфессиональном содержании, а в ее соответствии структурно-экзистенциальным особенностям русского национального характера: вере в возможность обеспечения всеобщего счастья (в этом проявляется «всемирная отзывчивость» русской души); убежденности, что принесет его всему миру Россия (мессионизм) в кратчайший срок (максимализм), и готовности к невероятным усилиям для достижения этого (самопожертвование).

Коммунизм не нечто привнесенное в Россию, а русская модификация марксизма, несущая в себе основные особенности русского национального характера, нашедшая ранее выражение в мессианском православии. Об аналогии между Третьим Римом и Третьим Интернационалом писали много. О «новом человеке» и о том, что «кто не работает, тот не ест», можно прочесть и в Библии, и в коммунистическом символе веры. Как православие должно было по идее господствовать на земле до Страшного суда, так и большевизм – до полного утверждения рая на земле. Марксизм соответствовал русскому духу своей тотальностью и тягой к справедливости. Именно в России с ее максимализмом была совершена самая радикальная революция, отрицавшая государство и собственность.

Но для того, чтобы революция стала возможной, марксизм модифицировался в соответствии с особенностями русского национального характера. К. Поппер пишет о разительном контрасте между развитием русской революции и марксовской теорией экономической реальности, а также ее идеологическими формами. Он делает вывод, что русская революция изменила экономический строй общества политическим путем и не имеет ничего общего с пророчеством Маркса. Структура народного духа оказалась более важной, чем конкретные политические и социальные формы жизни.

«Этот пример показывает, – продолжает Поппер, – что идеи в определенных условиях могут революционизировать экономические условия в стране, а вовсе не формируются социальными условиями. Используя марксову терминологию, мы могли бы сказать, что Маркс недооценил силу царства свободы и его шансы на победу над царством необходимости»⁶. Это стало возможным в России,

⁶ Поппер, К. Открытое общество и его враги: в 2 т. – М.: Феникс, 1993. – Т. 1. – С. 151.

в которой «царство свободы» в смысле роли идей всегда было выше «царства необходимости». Движущей силой развития России после 1917 г. был энтузиазм по поводу идеи. Это позволяет сказать: «Дайте русскому человеку идею, и он перевернет весь мир».

Марксизм стал вторым вариантом русской идеи – **коммунистическим глобальным проектом**. По сути, возникновение марксизма – это глобальный ответ эксплуатируемого населения (прежде всего пролетариата как ставшего главным после великих буржуазных революций эксплуатируемым классом, но не только его) на становление капиталистического общества и победу буржуазии. Понимая капитализм как всемирно-историческое явление, К. Маркс предполагал организовать ему сопротивление в планетарном масштабе, создав Международное товарищество рабочих (Интернационал) и выдвинув лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

К. Маркс предвидел глобализацию, но считая, что существует только один путь развития – западный, не заметил многообразия мировой системы и не ожидал международного разделения труда и создания иерархически организованной глобальной системы.

Наибольший отклик учение К. Маркса получило, как ни странно, в России – стране с преобладающим крестьянским населением; это свидетельствует о том, что потенциал марксизма гораздо шире, чем предполагал сам Маркс, и включает в себя борьбу всех эксплуатируемых против старых и новых эксплуататоров. Хотя в конце жизни Маркс признал большие революционные возможности русской общины, идея объединения всех эксплуатируемых в борьбе против капитализма стала особенно ясной в конце XIX в., когда капитализм поднялся на новую стадию интеграции, получившую название империализма. Тогда и возникла идея В. И. Ленина о прорыве капиталистической цепи в одном отдельно взятом наиболее слабом звене, каковым предполагалась Россия. В борьбе с капитализмом марксизм стал основой объединения двух противоположных духовных течений России – западников и славянофилов. «И западническая, и славянофильская традиции по-своему, в превращенной форме, обрели эффективное самовыражение в “русском марксизме” и примирились в нем»⁷.

⁷ Панарин, А. С. Народ без элиты. – С. 140.

Синтетический потенциал марксизма привел к неожиданной для многих победе большевиков. С самого начала существования нового советского государства три идеи были для него главными: 1) идея ликвидации эксплуатации человека человеком; 2) идея равноправного существования народов в едином федеральном государстве; 3) идея России как очага мировой революции, которая приведет к глобальному переустройству общества.

В соответствии с первой идеей была проведена национализация капиталистических предприятий и земли и ликвидация класса капиталистов. В соответствии со второй идеей было создано государство на федеративной основе с неизвестным доселе правом субъектов федерации на отделение. В Конституции СССР 1924 г. подчеркивается (в первом разделе «Декларация об образовании СССР»), что это государство будет «новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Республику». «Здесь, в советском пространстве, в самом деле действовало нигде в мире не предусмотренное правило “социалистического строительства”: больше ресурсов, льгот и преференций роста получают те республики (регионы), которые временно отстали и находятся в более трудном положении. Национальные республики бывшего СССР в самом деле получали больше инвестиций и другой помощи союзного центра, чем РСФСР»⁸.

Захватывая множество самостоятельных прежде государств или владения других держав, «русская власть, – отмечал Н. М. Коркунов, – нередко сохраняла за присоединенными областями их местные законы и учреждения, предоставляя им иногда более или менее широкую местную автономию. В некоторых случаях автономия получала весьма значительный объем, что и подало повод иным исследователям в некоторых присоединениях России видеть унию с нею как бы самостоятельных государств»⁹. Это основы, на которых взращен СССР, в котором отдельные окраины имели лучшие условия жизни, чем коренные русские области. Более широкие права присоединенных областей и лучшие условия жизни в них

⁸ Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Алгоритм, 2002. – С. 173–174.

⁹ Антология мировой политической мысли: в 5 т. / ред. Б. Н. Бессонов, Е. Л. Петренко, З. М. Зотова. – М.: Мысль, 1997. – Т. IV. – С. 277.

могли, однако, подрывать единство государства и делать обстановку в нем нестабильной.

В советском полиэтническом «котле» переваривались национальные и культурные различия и шла усиленная ассимиляция населения. Можно сказать, что идеи К. С. Аксакова о независимости государства и земли воплотились в жизнь в СССР. Государство управляло страной без согласия народа, но, как предполагалось, в его интересах.

В своей внешней политике СССР предпринял попытку возглавить поход всего остального мира против Запада как столпа колониализма. Попытка почти удалась, особенно в тех странах, которые хотели встать на социалистический путь развития. В 1919 г. был создан III Интернационал (Коминтерн) для руководства международным коммунистическим движением и подготовки мировой революции. А. Тойнби признавал, что «роль России в истории – служить лидером в общемировом движении сопротивления общемировой современной агрессии Запада»¹⁰. Именно становление СССР как сверхдержавы стимулировало падение колониальной системы.

Оба глобальных проекта – и православный, и коммунистический – вдохновлены тягой к вечности. Коммунистический проект подкреплялся «русским народным подпольем», стоящим за коммунизм и тайне питавшим его потенциалом скрытой общинности. Советский народ есть идеологическая экспликация смыслов, заложенных в русском народе – социальном правдолюбце и тираноборце. А следовательно, и «советская империя» есть не просто империя, а способ мобилизации всех явных и тайных сил, не принявших буржуазную цивилизацию и взбунтовавшихся против нее. Исключительность роли (советского народа не в том, что он выражал нечто, не укладывающееся в нормы стихийного морального сознания любого народа, а в том, что он позволил этим стихиям вырваться из подполья, преодолеть цензуру либеральной современности, олицетворяемую господствующими силами Запада. Именно совпадение коммунистического этоса советского типа с народным этосом как таковым вызвало величайшую тревогу Запада перед «русским вызовом»¹¹.

¹⁰ Геополитика: классика и современность: хрестоматия / сост. В. И. Буренко, А. А. Королев. – М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. – С. 142.

¹¹ Панарин, А. С. Народ без элиты. – С. 243, 245.

Чем объяснить кажущееся противоречие между безгосударственностью русского народа (о которой писали славянофилы) и созданием великого государства и сверхдержавы? Правители использовали все духовно-психологические качества, материальные и организационные ресурсы русского народа, равнодушного к материальному благосостоянию, для создания государства, и народ все отдавал. «Если русскому сердцу особенно близко какое-либо место из Евангелия, то это: “Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут” (Мф., 6, 19)»¹². Все свое он отдал государству, которое воспользовалось силой народного самопожертвования для создания величайшей империи. Задача русской элиты всегда была и должна быть, если она хочет править, одной и той же: использовать силы народа для укрепления государства. Иначе он развеет свои силы, или правители-временщики разбазарят их на свои личные нужды. Если государство вдруг отказывается от выполнения своей организаторской функции, перевес тут же получают силы безгосударственности (догосударственности).

Русскому «недостает организующей воли, которая поддерживает внутреннее равновесие»¹³. Значит, эта организующая воля должна прийти извне. Не то что недостает способности к организации, а именно воли. «Русские не умеют организовать, поскольку они этого не хотят – из благоговения перед бесконечностью»¹⁴. Не хотят, но могут, если появляется необходимость извне. Если эта воля находится, то русский человек становится легкоорганизуемым, и легкость его организации извне как раз облегчается недостатком его воли к самоорганизации: этой внешней воли в данном случае ничто не противодействует изнутри. В этом объяснение противоречия между безгосударственностью русского народа и тем, что он создал великое государство.

Шли годы. Индустриальное общество стало перерастать в постиндустриальное, информационное. Принципиально изменился классовый состав населения. Пролетариат потерял количественное превосходство над другими слоями населения и свою революционную

¹² Шубарт, В. Европа и душа Востока. – М.: Эксмо, 2003. – С. 147.

¹³ Там же. – С. 110.

¹⁴ Там же. – С. 120.

роль. Первенство перешло к интеллигенции, и на первое место вышли духовные потребности нового лидера эксплуатируемого большинства. Это нужно было реализовать как теоретически, так и практически. Правящая геронтократия СССР не смогла этого сделать. Коммунистическая партия предложила пролетариату то, что ему нужно, – веру в будущую сытость, но не давала интеллигенции то, что нужно ей, – духовных благ: свободы слова, печати, передвижения, то есть тот информационный максимум, который жизненно необходим интеллигенции. Советская система погибла, так как после того, как все насытились, люди снова вспомнили о духовных проблемах, а социализм не предложил им ответа на новые вызовы. Это было капиталистическое перерождение советской элиты, предопределившее крушение Красной империи. Воспользовавшись недовольством интеллигенции, часть элиты организовала и повела ее за собой. Отдельные представители интеллигенции вошли после капиталистической реставрации в состав правящего слоя, но в целом интеллигенция потерпела историческое поражение, и сама Россия откатилась далеко назад в своем развитии. Три главных следствия переворота 1991 г. – выпадение из второго мира в четвертый, «русский крест» и сжимающееся кольцо врагов вокруг России. Она несла свет православия, коммунизма, а в результате попала на торжище, называемое рынком, на котором ей нет места. И если свет, который она несла, не жалея ни себя, ни других, уже никому не нужен, то зачем ей жить? Снова встают перед русской общественной мыслью два ее основных вопроса: «кто виноват?» и «что делать?».

3. Третья модификация русской идеи – духовно-социальный проект

Мысли, изложенные в предыдущем разделе, представляются на первый взгляд сугубо философскими, хотя они уже обнаружили свою практическую значимость. Теперь, сойдя с «небес» на землю, мы попытаемся соединить с помощью концепции всеединства две первые модификации русской идеи в нечто качественно новое, но объединяющее в себе положительные потенции исходных модификаций. Два русских глобальных проекта имели глобальные цели – дать свет православия всему миру, устроить рай на земле. Пытаясь

их осуществить, русский народ достигал могущества и славы. В конце XX в. Россия оказалась без национальной идеи, а это для нее страшнее, чем материальное обнищание.

Русская идея идет из души русского народа. Осуществление ее каждым человеком и нацией как таковой есть моральный долг, и если он не выполняется, человек и нация уходят в небытие. Отказ от русской идеи означает духовную, а затем и физическую смерть нации. Такая опасность существует сейчас. Русская нация может погибнуть без новой идеи. Каждый выбирает идеал по душе, но вся махина русского народа тронется, когда идеал окажется общим для всех. Кто-то скажет: «Да живите вы нормально. Зачем куда-то рваться?» Но иначе мы не можем. Лишь новая модификация русской идеи способна обеспечить стабильное существование нации.

Какой может быть новая русская идея? Суть русской идеи – в ее всечеловечности. Два этапа ее возникновения – взятие из другой культуры концепции и ее оригинальная модификация. Поэтому когда распадается данный вариант, на обломках сразу появляются две противоположности: сторонники чужой идеи в чистом виде (западники в XIX в., демократы сейчас) и сторонники своеобразного развития России (славянофилы в XIX в., патриоты сейчас). Отношения между ними могут обостриться до предела, но они могут быть синтезированы в рамках новой модификации русской идеи, которая вбирает их в себя.

Новая русская идея будет структурной модификацией все того же желания осчастливить весь мир. Отдельные глобальные проекты погибают, но стремление к благодати, заложенное в структуре русского национального характера, остается. Ему нужна новая идея, не столь приземленная, как идеи потребительства или национальной исключительности. Возрождение мессианского православия или мессианского большевизма вряд ли возможно. История никогда не поворачивает назад. Таким же глобальным, как и первые два, по-видимому, должен быть и третий – оригинальный русский глобальный проект.

По В. С. Соловьеву, мировая история прошла два фазиса развития, которые присущи соответственно Востоку и Западу. Первый – это внешнее христианство при внутреннем язычестве, второй – это внешняя свобода при внутреннем порабощении. Те формы благо-

дати и свободы, которых жаждала русская душа, не воплотились в жизнь. Но осталась тоска по божественному, духовному. «Только славянство, в особенности Россия, осталась свободною от этих двух низших начал (несамостоятельность человека и утверждение бесчеловечного бога, олицетворенного в государстве на Востоке, и безбожного человека на Западе. – А. Г.) и, следовательно, может стать историческим проводником третьего»¹⁵.

Высшие идеалы могут быть воплощены, по Соловьеву, только в царстве духа, в котором можно будет «оживить и одухотворить враждебные и мертвые в своей вражде элементы высшим примирительным началом, дать им общее безусловное содержание и тем освободить их от исключительного самоутверждения и взаимного отрицания»¹⁶.

Какой народ может создать царство духа? «Такой народ не должен иметь никакой специальной ограниченной задачи, он не должен работать над формами и элементами человеческого существования, а только сообщить живую душу, дать средоточие и целостность разорванному и омертвелому человечеству через соединение его с всецелым божественным началом... От народа – носителя третьей божественной потенции – требуется только свобода от всякой исключительности и односторонности, возвышение над узкими специальными интересами, требуется, чтобы он не утверждал себя с исключительной энергией в какой-нибудь частной низшей сфере жизни и деятельности, требуется равнодушие ко всей этой жизни с ее мелкими интересами, всецелая вера в положительную действительность высшего мира и пассивное к нему отношение. А эти свойства, несомненно, принадлежат племенному характеру славянства, и в особенности национальному характеру русского народа»¹⁷.

Для формулирования третьего русского глобального проекта вспомним о предыдущих двух вариантах и применим к ним гегелевский закон отрицания отрицания, в соответствии с которым в развитии сохраняется все лучшее, что было на предшествующих этапах. Отличительной чертой православного глобального проекта был приоритет духовного. В советском глобальном варианте имел

¹⁵ Соловьев, В. С. Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 173.

¹⁶ Там же. – С. 171.

¹⁷ Там же. – С. 172, 173.

место приоритет социального единства. Соединение этих основных черт может привести к тому, что третьей модификацией русской идеи станет создание **духовно-социального строя**, основанного на синтезе духовного и социального. Можно было бы назвать этот строй духовным социализмом, если бы эти слова не были использованы представителями самых разных направлений.

Какая духовность имеется в виду? Прежде всего религиозная (недаром духовность в узком смысле отождествляется с религиозностью) – православная для большинства населения, но также и мусульманская для регионов, в которых преобладает ислам, и буддийская, последователи которой живут в некоторых районах РФ. Но духовность не сводится к религиозности, а включает в себя все отрасли духовной культуры.

Приоритет духовных ценностей особенно важен в эпоху экологического кризиса, поскольку сдерживает материальные потребности людей, могущие в принципе расти до бесконечности (в то время как возможности их удовлетворения биосферой конечны), и ориентирует на разумный аскетизм и самодисциплину.

Под социальностью имеется в виду достижение достаточно высокого уровня единства людей, что невозможно без ликвидации чудовищного экономического и политического неравенства. В более широком плане речь идет о социальной справедливости, которая еще в Древней Греции почиталась главной добродетелью. Конечно, люди не равны и различия не могут не иметь места в обществе. Но государство должно держать эти различия в разумных пределах, определяемых пользой для всех членов социума.

Если это конкретизировать, то можно выделить следующие принципы справедливого общества: 1) равенство всех перед законом (правовое равенство); 2) экономический минимум для всех, включающий в себя прожиточный минимум, бесплатное медицинское обслуживание, образование и жилье; 3) экономическая пропорциональность – ресурсы сверх экономического минимума должны распределяться по степени эффективности общественного труда в той мере, в которой экономическое неравенство увеличивает общее благосостояние; 4) политический минимум – возможность для населения предоставлять власть путем голосования, контролировать и отнимать ее; 5) политическая пропорциональность – рас-

пределение власти по степени эффективности функционирования государства на благо всех его членов; б) информационный максимум – обеспечение всем людям свободы слова, печати, собраний и манифестаций; 7) экологический максимум – равенство в использовании природных ресурсов: полезных ископаемых, земли, воды, воздуха и т. п.

Справедливое общество является правовым, социальным, политическим, информационным и экологическим. Это правовое государство, основанное на равенстве всех перед законом; социальное государство, основанное на наличии минимума материальных благ для всех; политическое государство, основанное на наличии минимума политических прав; информационное государство, основанное на наличии информационных свобод; экологическое государство, основанное на решении экологической проблемы в интересах всех людей.

Духовное и социальное представляют собой диалектическое единство. Как соединяются между собой эти два компонента единой системы? Социальное единство вдохновляется справедливостью как нравственной нормой, но высшая цель общества духовна. Это возвышение к тому, что В. С. Соловьев назвал «достижением абсолютного существования, или вечной и блаженной жизни»¹⁸. Человек стремится к единству, но подлинное единство достигается в сфере духа. В таком обществе обеспечиваются и наилучшие условия для реализации смысла жизни человека, который состоит в преобразении телесного в духовное.

Сообщества духовных людей могут организовывать духовно-социальные общины, которые, если Человек Духовный составит большинство населения, могут превратиться в духовно-социальный строй, третью модификацию русской идеи (и третий русский глобальный проект), двумя предшественниками которой были, по Бердяеву, православная и коммунистическая. Такое развитие соответствует развитию по диалектическому закону отрицания отрицания, сформулированному Г. Гегелем.

¹⁸ Соловьев, В. С. Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 148.